

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2012 Выпуск 39

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Ставропольский
государственный университет

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет

Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет

И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный университет —
Высшая школа экономики

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный университет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА, О. В. ВОРОБЬЕВА,
М. М. ГОРЕЛОВ, В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП,
М. С. КИСЕЛЕВА, Е. М. МАКАРЕНКОВА, С. И. МАЛОВИЧКО,
Н. А. СЕЛУНСКАЯ, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

Специальный выпуск

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР, ДУХ НАРОДА И ОБРАЗ ДРУГОГО:
СПОСОБЫ ОПОЗНАНИЯ И ОПИСАНИЯ**

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 39.
Специальный выпуск. Национальный характер, дух народа и образ Другого:
способы опознания и описания. — М.: ИВИ РАН, 2012. — 432 с.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 39. Special issue.
National Character, Spirit of Nation and Image of the Other: Ways of Perception
and Description. — Moscow: IWH RAS, 2012. — 432 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517

Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>

Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 27. Зак. № ЖУ-13.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД» с готового оригинал-макета.

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

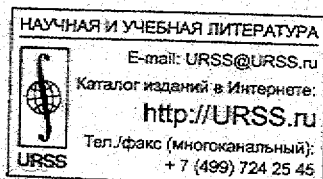
ISSN 2073-7564

12395 ID 163682

© Общество интеллектуальной истории, 2012

© Институт всеобщей истории РАН, 2012

© Журнал «Диалог со временем», 2012

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛОВЦЕВ В ЛЕТОПИСАНИИ XI–XIII ВВ.

Отношения Древней Руси и степи являются одним из важнейших «мест памяти» в российской истории. Историография Нового времени диктует восприятие этих отношений как однозначного противостояния. Однако с точки зрения современников ситуация была более сложной. Изучение характеристик и функций, приписываемых половцам в летописных текстах, позволяет увидеть многоплановость и неоднозначность русско-половецких отношений XI–XII вв.

Ключевые слова: Древняя Русь, степь, половцы, летописание, восприятие Другого.

Отношения с половцами являются одним из важнейших сюжетов древнерусской истории¹. Именно с половецкой темой связано самое известное и символичное «место памяти» домонгольского времени – Слово о полку Игореве. Временная перспектива стерла нюансы этих противоречивых отношений, сведя динамику исторического процесса к «вечному» противостоянию двух начал – оседлого и кочевого, «Цивилизации» и «Степи»². С этой точки зрения (корни которой, замечу, могут быть прослежены даже не до написанных в позднесталинское время работ Д. С. Лихачева³, а по меньшей мере до «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина⁴), вооруженное противостояние степнякам оказывается патриотическим долгом, а сотрудничество с ними — предательством, или, в лучшем случае, проявлением недальновидности. Очевидно, однако, что для самих жителей Руси ситуация не выглядела столь однозначной. Это, в частности, воплотилось в том, как половцы изображались в летописании XI–XIII вв.

До известной степени такая реконструкция позиции книжников выглядит обоснованной. В частности, характеризуя упомянутый набег на Киево-Печерский монастырь, летописец (бывший, судя по его собственным словам, непосредственным очевидцем событий) не только под-

¹ Предлагаемая вниманию читателя статья обобщает материал и результаты обсуждения выступлений автора на всероссийской конференции «Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие» (Нижний Новгород, сентябрь 2010 г.) и интернет-конференции «Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (сайт Межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история» <http://www.newlocalhistory.com>, октябрь 2010 г.).

² Ср.: Гребенюк. 1995. С. 3–15.

³ Лихачев. 1947. С. 145–169.

⁴ Карамзин. 1991. Т. 2–3. С. 45, 68–69 и др.

робно описывает злодеяния «безбожных сынов Измаиловых»; но и призывает на их головы заслуженную кару: «тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давиду, вопьемъ: “Господи Боже мой, положи [я], яко коло, яко огнь предъ лицомъ вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако пожениши я бурєю твоею”. “Исполни лица ихъ дасаженья”, се бо оскверниша и поидоша святыи домъ твой, и монастырь Матере твоея, и трупье рабъ твоихъ, убиша бо нѣколько отъ братья нашихъ оружьемъ»⁵. Понятно, что эмоции автора этого фрагмента накалены до предела и о мирных взаимоотношениях со степняками не может быть и речи. Вместе с тем, утверждение о парадигматической роли половцев-измаильян как образа чуждого народа нуждается, как минимум, в уточнениях.

Для концепции Л. С. Чекина весьма важен историко-богословский экскурс, помещенный под 6604 (1096) г. в продолжение цитированного выше рассказа о нападении степняков и помещающий набег половцев в эсхатологический контекст⁶. И действительно, как в статье 6604 г., так и в рассуждении о татаро-монголах⁷ говорится, что степняки появились из пустыни Ятриб, расположенной «между востокъ и сѣверомъ», и что могущество степных народов будет расти с приближением Конца Света. Кроме того, оба книжника ссылаются на авторитет епископа Патарского Мефодия, чьим именем было подписано составленное в Византии и рано переведенное на Руси апокрифическое «Откровение» о бедствиях, ожидающих человечество перед наступлением Последних Времен. В то же время, летописец конца XI в. заимствовал у своего византийского учителя прежде всего сведения о количестве кочевых «колен», тогда как автор середины XIII века больше интересовала область, на которую распространится грядущее нашествие. В результате в летописи появилось два разных пересказа одного и того же произведения:

ПВЛ, 6604 г.

Ишли бо суть си отъ пустыя
Нигривьскыя межю востокъ и
сѣверомъ. Ишли же суть ихъ
колыть 4: торгьмени и печенѣзи,
торци, половци. Мефодии же

Новг. I лет., 6732 г.

<...> инии же глаголють, яко се
суть, о нихъ же Мефодии,
Патомьскыи епископъ
свѣдѣтельствуетъ, яко си суть ишли
ис пустыя Етриевьскыя, суще межи

⁵ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 233.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; ср. Чекин. 2000. С. 694–695, 707–708.

⁷ В Лаврентьевской летописи известие о битве на Калке, а соответственно и благочестивые рассуждения по этому поводу находятся под 6371 (1223) г., а в Новгородской I – под 6372 (1224) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445–446; М., 2000. Т. 3. С. 61–62, 264). О возможном общем источнике двух летописей (с обзором предшествующей литературы) см. в: Рудаков. 2009. С. 20–25.

свѣдѣтельству о нихъ, яко 8
коленъ пробѣгли суть, егда исѣче
Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню,
а 4 исѣче <...> и по сихъ 8 коленъ г
кончинъ вѣка изидуть заклѣпении в
горѣ Александрѣ
Македонскимъ нечистыя
человеки⁸.

въстокомъ и сѣверомъ. Тако бо
Мефодий глаголетъ, яко скончанию
времени явится тѣмъ, яже загна
Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от
востока до Ефранта и от Тигра до
Поньскаго моря, кромѣ Ефиопия⁹.

Определенная связь между двумя приведенными фрагментами, вероятно, есть (хотя бы потому, что знакомство с трудами предшественника могло предопределить интерес позднейшего книжника именно к Откровению Мефодия). Однако разное содержание получившихся текстов свидетельствует о независимом обращении к византийскому эсхатологическому трактату. Иными словами, характеристика половцев в статье 1096 г. была не основанием, а лишь одним из воплощений парадигмы восприятия степных народов, опиравшейся на византийские образцы.

Не прослеживается прямой связи между двумя образами и на уровне эпитетов. Комментируя известие о восстании против сборщиков податей, помещенное в Новгородской I летописи под 6767 (1258) г., Л. С. Чекин пишет: «как и половцы во введении к Повести временных лет, "оканьнии" татары резко противопоставлены христианам <...>, названы сыроядцами и сравнены с дикими зверями (звѣри дивия), которых Бог за наши грехи привел "ис пустыня" чтобы пожирать плоть сильных мира сего и пить боярскую кровь»¹⁰. Между тем, описание обычаев разных народов, помещенное во вступительной части Повести временных лет, не ограничивается характеристикой одних только половцев. Напротив, неприемлемые нравы степняков оказываются лишь одним из множества «законов», самое разнообразие которых (а вовсе не отдельные негативные черты) противопоставляется единому «закону» христиан: «Глаголетъ Георгии в лѣтописаньи: "ибо комуждо языку. овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане [законъ] безаконникомъ отечество мнися" <...> Мы же хрестьяне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю [и] въ едино крещенье, въ едину вѣру законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся»¹¹. Это не позволяет говорить о резком противопоставлении, а

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234.

⁹ Там же. Т. 3. С. 61. «Рассказ Лавр[ентьевской летописи]», по признанию ученых, «несет в себе гораздо больше следов серьезной редакторской правки» (Рудаков. 2009. С. 24).

¹⁰ Чекин Л. С. Указ. соч. С. 709; ср. ПСРЛ. Т. 3. С. 82–83, 310–311

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 14, 16.

поскольку в одном ряду с половцами оказываются и вполне праведные народы (*сирии, ктириане, глаголемии брахманеи*), то и смягчает жесткость первоначальной оценки. Что же касается выражений *сыродыци* и *зверие дивии*, то они в принципе отсутствуют в лексиконе летописцев XI – начала XII века. Очевидно, книжник XIII века не механически переносил характеристики одного народа на другой, а творчески перерабатывал наследие предшественников, уточняя и дополняя их оценки применительно к новой ситуации. Но, значит, стереотип восприятия степняков если и сформировался, то был относительно гибким.

Взгляды на половцев, выраженные в самой Начальной летописи (как собирательно именуются все летописные своды XI – начала XII в., включая Повесть временных лет), также далеки от однозначности. Прежде всего, необходимо отметить, что экскурс, включенный в статью 6604 г., посвящен не столько отталкивающим нравам и негативной роли степняков в истории (и то, и другое достаточно очевидно из основного текста указанной статьи), сколько проблеме классификации кочевых племен. В опиравшейся на Библию средневековой схеме этногенеза было как минимум два подходящих для половцев «слота» – они могли быть либо аммонитянами, либо измаильтянами, причем принадлежать к «сынам Аммоновым» было существенно хуже, ибо Аммон родился от связи Лота с собственной дочерью, а значит и он сам, и все его потомство заведомо нечисты¹²; измаильтяне не многим лучше, но их «родовое» преступление ограничивается присвоением чужого имени: «творятся “Сарини”, и прозваша имена собѣ “сарақыне”, рекше “Сарини есмы”». Бесчинства, учиненные степняками в разоренном Печерском монастыре, должны были бы склонить летописца к менее престижному из двух возможных отождествлений. Более того, на момент составления обсуждаемой статьи уже существовала точка зрения, согласно которой половцы суть именно аммонитяне: «друзии же глаголють: “сыны Амоновы”»¹³. Однако монастырский историк возражает своим неназванным оппонентам, «сынове бо Моавли – хвалиси, а сынове Аммонови – болгаре, а срацини от Измаиля». Уверенно говорить о мотивах книжника по понятным причинам трудно, примечательно, однако, что и *хвалиси* (хорезмийцы), и *болгаре* были мусульманами, чья «нечистота» наглядно представлена еще в рассказе о крещении Руси¹⁴, тогда как половцы ос-

¹² Ср.: Быт 19: 30–38

¹³ В дальнейшем схожая догадка будет высказана и о татаро-монголах, которых станут причислять к моавитянам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740. Моав – двоюродный брат Аммона, рожденный старшей дочерью Лота).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84–85, 86, 107.

тавались язычниками, а отношение летописцев ко многобожию было более сложным (ср. характеристики тех же «сириев» или «ктириан»).

Амбивалентность восприятия половцев в полной мере проявила себя в тех ситуациях, когда составителям Начальной летописи приходилось описывать практики взаимодействия восточных славян и степняков. В 1095 г. в стольный град Владимира Мономаха Переяславль прибыло половецкое посольство во главе с ханами Итларем и Китаном¹⁵. Двумя годами раньше, в 1093 г. половцы нанесли Руси очень серьезный урон, чему посвящен, пожалуй, самый пронзительный фрагмент летописного рассказа за XI в.: «Половци же, приимше град, запалиша и огнем [и] люди раздѣлиша, и ведоша в вежѣ к сердоболем своимъ и сродникомъ своимъ много роду хрестьянска. Стражюще, печални, мучими зимою, оцѣпленными, въ алчи и в жажи, и в бѣдѣ, опустивше лица, почернѣвше телеса, незнаемии, страною, языком испаленым, назви ходяще и боси ноги имуще сбодены терньем со слезами отвѣщеваху другъ к другу, глаголюще “Азѣ бѣхъ сего города”, и други: “А язѣ сея вси” – тако съупражняются, со слезами родъ свои повѣдающе и въздышюще, очи возводяще на небо к Вышнему, свѣдущему тайная»¹⁶. В одной из битв этой провальной для русского воинства кампании погиб младший брат Владимира Ростислав¹⁷. Теперь же ханы со свитой расположились лагерем внутри городских укреплений. Дружина рекомендовала Владимиру перебить посольство, воспользовавшись удобным случаем для мести, однако князь воспротивился, ссылаясь на клятву: «како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ»¹⁸. Перед нами едва ли протокольная запись беседы. Напротив, диалог, в ходе которого нерешительность Владимира Всеволодича была побеждена доводами дружины, напоминает беседу другого Владимира – Святославича – с епископами, описанную в статье 6504 г.¹⁹

6504 г.

И рѣша епископи Володимеру: «Се умножишася разбоиници, почто не казниши ихъ?» Он же рече имъ: «Божю грѣхъ». Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбоинника, но со испытаньемъ».

6603 г.

Володимеру же не хотяще сего створити, отвѣща бо: «Како могу се створити, ротѣ с ними ходивъ?», отвѣщавше же дружина рокоша Володимеру: «Княже, нѣту ти в томъ грѣхъ, да они, всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую и кровъ хрестьянску проливають бесперестани».

¹⁵ Там же. Стб. 227.

¹⁶ Там же. Стб. 225.

¹⁷ Там же. Стб. 220.

¹⁸ Там же. Стб. 227.

¹⁹ Там же. Стб. 126–127.

Вполне вероятно, поэтому, что соответствующая часть статьи 6603 (1095) г. имеет литературно-риторическую природу: «хорошему» князю полагалось посомневаться перед тем, как пролить чью-то кровь. В конце концов, месть над Итларем и Китаном свершилась, к вящему удовлетворению летописца: «и тако Ольбегъ Ратиборичъ приема лукъ свои и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце, и дружину его всю избиша. И тако зѣб испроверже животь свои Итларь в недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, месяца февраля въ 24 днь»²⁰. Примечательно, однако, что и аргументы Владимира не были прямо расценены как нелегитимные. Очевидно, ненависть к врагам Руси занимала в системе ценностей книжников по крайней мере такое же место, что и верность данной присяге.

А. А. Шахматов полагал, что «длинные благочестивые рассуждения в конце летописной статьи 6601 (1093) года» представляли собой завершение Начального свода, написанного около 1095 г.²¹ Это заставляло ученого относить статьи 6603 и 6604 гг. либо к авторскому тексту Повести временных лет, либо к вставкам ее редакторов. Однако современные исследователи пишут об «идейной и стилистической перекличке», связывающей с Начальным сводом значительную часть статьи 6605 (1097) г.²², что позволяет датировать данное произведение как минимум второй половиной десятилетия, а соответственно и переатрибутировать все рассмотренные выше статьи. Судя по всему, относительно толерантное восприятие половцев сформировалось уже в конце XI века.

При составлении Повести временных лет тенденции, заложенные в Начальном своде, получили дальнейшее развитие. Весьма характерна сцена, включенная во второй, более поздний слой текста статьи 6605 г. Князь Давид Игоревич и его союзники-половцы, сообщает нам книжник, готовились к битве с венграми, нанятыми Святополком Изяславичем. Ночью накануне сражения «вставъ Бонякъ, отѣха от вои, и поча выти волчскы, и волкъ отвыся ему. И начаша волци выти мнози, Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко: “победа ны есть на угры заутра”»²³. Общее знакомство с логикой летописания, последовательно противопоставляющего истинное знание христиан и вымыслы язычников, одним из которых является вера в приметы и гадания²⁴, склоняет ожидать, что на следующий день Давид и Боняк потерпят поражение. Одна-

²⁰ Там же. Стб. 228.

²¹ Шахматов. 2002. Т. 1, кн. 1. С. 29–30.

²² Гунтус. 2005. С. 15–16; Гунтус. 2008. С. 6–11.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 270–271.

²⁴ Ср.: Там же. Стб. 170, 178–179.

ко гадание себя оправдало: венгры были наголову разбиты и бежали, потеряв убитыми «пискупа ихъ Купана и от болярьь многы»²⁵.

По мнению М. Д. Приселкова, цитируемый фрагмент представляет собой пересказ половецкой народной песни²⁶, но это крайне маловероятно, хотя бы потому, что в арсенале летописца имелось достаточно средств разграничения авторской речи и цитаты, а значит, такой пересказ был бы соответствующим образом оформлен. Видимо, перед нами текст, написанный от имени самого книжника, который в определенных ситуациях был готов становиться на точку зрения степняков.

Показательно и то, как книжники воспринимали участие степняков в междоусобных конфликтах русских князей. Все три основных игрока на политической сцене 1090-х гг. – князь киевский Святополк Изяславич, князь черниговский Олег Святославич и князь переславский Владимир Всеволодич Мономах – были так или иначе связаны с кочевниками. Олег нанимал половецкие орды в качестве военной силы²⁷, Владимир принимал уроженцев степи в дружину и отправлял в походы вместе со своими детьми²⁸, а Святополк и вовсе был женат на дочери хана Тугоркана, что привело, в итоге, к коллизии, не ускользнувшей от внимания летописца: хан был убит в сражении с полками собственного зятя, который вынужден был хоронить свойственника «аки тьстя своего и врага»²⁹. Наивно полагать, что половцы, сражавшиеся, скажем, на стороне Владимира Мономаха и его сыновей, принципиально отличались по внешнему виду и манерам от половцев, которых нанимал Олег Черниговский. Однако осуждается, причем в самых жестких выражениях, только Олег: «се уже третье навеле поганья на землю Русьскую, егоже грѣха дабы и Богъ проститъ, занеже много хрестьянь изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям»³⁰.

Столь негативное отношение к черниговскому князю не удивляет своей жестокостью и крутым нравом князь настроил против себя бук-

²⁵ Там же. Стб. 271.

²⁶ Приселков. 1996. С. 288–289.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

²⁸ «и вѣдѣсть Мстиславъ стягъ Володимерь половчину именемъ Кунуи, и вѣдѣсть ему пѣшцы и постави и на правѣмъ крилъ. И, заведъ Кунуи пѣшцы, напя стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убося, и ужась нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ <...> И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, нача заходити в тѣль его. И, убоясь, побѣже Олегъ. И одолѣ Мстиславъ» (Там же. Стб. 239–240).

²⁹ Там же. Стб. 231–232.

³⁰ Там же. Стб. 226.

важно всех³¹. Примечательно, однако, что сам по себе союз с половцами осуждения не вызывает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по мере развития летописного текста образ половцев становился конкретнее и богаче деталями. Составитель Начального свода характеризует поведение степняков обобщенно, следуя, очевидно, некоему канону: «емлюще иконы, зажигаху двери, и укаряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпяше, еше бо не скончались бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмъ глаголаху: «Кѣсть Богъ ихъ, да поможеть имъ и избавить я», и ина словеса хульная глаголаху на святыхъ иконы»³². Так или примерно так вели бы себя в церкви любые другие безбожники. Напротив, автор Повести временных лет интересуется особенностями половецкой военной тактики, подробно описывая, например, маневры полков Боняка в ходе битвы с венграми, а иногда и любителю ордами кочевников, подыскивая для их действий нетривиальные метафоры: «и сбища угры, акы в мячь, яко се соколь сбиастъ галиць»³³ [5, стб. 271], «и поидоша полкове, акы борове»³⁴. Весьма показательна в этом отношении сцена военного совета в степи, помещенная в статье 6611 (1103) г. и построенная на том же противопоставлении старых и «уных», что и оценка политики Всеволода Ярославича (отца Владимира Мономаха), данная десятью годами раньше:

6601 г.

и нача [Всеволод — Д.Д.] любити
смысль уных, свѣтъ творя с ними. Си же
начала заводити и негодовати дружины
свои первыя, и людем не доходити
книже правды. Начала ти унии грабити
люди и продавати, сему не свѣдуще в
больших своих³⁵.

6611 г.

Половци же слышавше, яко идет русь,
собрашася бе-писла и начапа думати. И
рече Урусоба: «Просим мира у руси, яко
крѣпко имуть битися с нами, мы бо
много зла створихом Русскѣи земли». И
рѣша унѣишии Урусобѣ: «Аще ты
боипися руси, но мы ся не боимъ, сия бо
избывше, поидем в землю ихъ и
примемъ грады ихъ. И кто избавить и
от насъ?»³⁶.

Иными словами, половецкие ханы могут описываться в тех же категориях, что и «свои» для летописца русские князья.

³¹ Под 6603 г. рассказывается, как отказавшись выдать Иглारेвича, Олег вы-
звал «ненависть» Святополка и Владимира (Стб. 228–229), а под 6604-м — приво-
дится «словеса величава», которыми князь оскорбил уже всех киевлян (Стб. 230).

³² Там же. Стб. 233.

³³ Там же. Стб. 271.

³⁴ Там же. Стб. 278.

³⁵ Там же. Стб. 217.

³⁶ Там же. Стб. 278.

Итак, если *sub specie* классической «национальной истории» отношения русских и половцев выглядят как последовательное противостояние, то анализ структуры соответствующих летописных известий делает картину существенно более сложной и многоплановой. Времена противостояния сменялись временами мира, а воспроизведение стереотипов, предписываемых образом врага, – проявлениями человеческого интереса. Представляется важным дополнить наблюдения о восприятии степняков, сделанные на материале Начальной летописи, сведениями о том, как образ кочевых соседей эволюционировал в последующей летописной традиции. Такая работа позволит не только полнее представить себе спектр возможных подходов к «вопросу о половцах», но и определить момент, когда раннесредневековая гибкость уступила место последовательному неприятию, определившему то, какое место отводилось степнякам в историографии XIX–XX вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Полное собрание русских летописей. [Репринт. изд.] М.: Языки русской культуры. 1997–2000. Т. 1–3.
- Гиппиус А. А. Повесть об ослеплении Василька Теребовльского в составе Повести временных лет : к стратификации текста // Древняя Русь : вопросы медиевистки. 2005. № 3 (21). С. 15–16.
- Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет: II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
- Гребеток В. П. Принятие христианства и эволюция героико-патриотического сознания в русской литературе XI–XII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Наследие, 1995. Сб. 8. С. 3–15.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. 828 с.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 283–304. (Studiorum slavica monumenta.)
- Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 244 с. (Исторические исследования.)
- Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы: половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 691–716.
- Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб.: Наука, 2002. Т. 1, кн. 1. С. 20–483.
- Добровольский Дмитрий Анатольевич, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; dmdobrowolski@gmail.com.